

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

Distr.
LIMITED

A/CN.4/L.595
1 August 2000

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Пятьдесят вторая сессия

Женева, 1 мая – 9 июня и 10 июля – 18 августа 2000 года

ПРОЕКТ ДОКЛАДА КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
О РАБОТЕ ЕЕ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ СЕССИИ

Докладчик: г-н В. Родригес Седеньо

ГЛАВА VI

ОДНОСТОРОННИЕ АКТЫ ГОСУДАРСТВ

Содержание

	<u>Пункты</u>
A. Введение	1 – 11
B. Рассмотрение темы на данной сессии	12 – 125
1. Документы, представленные Комиссии, и заседания, посвященные этой теме	12 – 14
2. Представление Специальным докладчиком своего третьего доклада	15 – 33
3. Краткое изложение прений	34 – 125

ГЛАВА VI

ОДНОСТОРОННИЕ АКТЫ ГОСУДАРСТВ

А. Введение

1. В своем докладе о работе ее сорок восьмой сессии в 1996 году Комиссия предложила Генеральной Ассамблее включить право, касающееся односторонних актов государств, в качестве темы, подходящей для кодификации и прогрессивного развития международного права¹.
2. В пункте 13 своей резолюции 51/160 Генеральная Ассамблея, в частности, предложила Комиссии продолжить изучение темы "Односторонние акты государств" и определить ее объем и содержание.
3. На своей сорок девятой сессии в 1997 году Комиссия учредила Рабочую группу по данной теме, которая представила Комиссии доклад о целесообразности и возможности проведения исследования по данной теме, о ее возможной сфере охвата и содержании, а также план исследования по данной теме. На этой же сессии Комиссия рассмотрела и одобрила доклад Рабочей группы².
4. Также на своей сорок девятой сессии Комиссия назначила г-на Виктора Родригеса Седеньо Специальным докладчиком по данной теме³.
5. В пункте 8 своей резолюции 52/156 Генеральная Ассамблея одобрила решение Комиссии включить данную тему в свою повестку дня.
6. На своей пятидесятой сессии в 1998 году Комиссия получила и рассмотрела первый доклад Специального докладчика по данной теме⁴. В результате обсуждения Комиссия постановила вновь учредить Рабочую группу по односторонним актам государств.

---

¹ См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10), стр. 227 и 324-325.

² См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/52/10), пункты 196-210 и 194.

³ Там же, пункты 212 и 234.

⁴ A/CN.4/486.

7. Рабочая группа представила Комиссии доклад о вопросах, касающихся сферы охвата данной темы, принятого подхода, определения односторонних актов и будущей работы Специального докладчика. На этой же сессии Комиссия рассмотрела и одобрила доклад Рабочей группы⁵.

8. В пункте 3 своей резолюции 53/102 Генеральная Ассамблея рекомендовала Комиссии с учетом комментариев и замечаний правительств, представленных в письменном виде или высказанных устно в ходе прений в Генеральной Ассамблее, продолжать свою работу по темам, включенным в ее нынешнюю программу.

9. На своей пятьдесят первой сессии в 1999 году Комиссия получила и рассмотрела второй доклад Специального докладчика по этой теме⁶. По результатам обсуждения Комиссия постановила вновь учредить Рабочую группу по односторонним актам государств.

10. Рабочая группа представила Комиссии доклад по следующим вопросам:
а) основные элементы рабочего определения односторонних актов в качестве отправной точки для будущей работы по этой теме, а также для сбора информации о соответствующей практике государств; б) определение общих установок, в соответствии с которыми должен проводиться сбор информации о практике государств и
с) направление дальнейшей работы Специального докладчика. В связи с указанным выше пунктом б) Рабочая группа наметила руководящие принципы составления вопросника для рассылки государствам Секретариатом в консультации со Специальным докладчиком с просьбой представить материалы и данные относительно их практики в области односторонних актов, а также изложить их позицию по некоторым аспектам изучения данной темы Комиссией международного права.

11. В пункте 4 своей резолюции 54/111 Генеральная Ассамблея предложила правительствам представить к 1 марта 2000 года в письменном виде ответы на вопросник об односторонних актах государства, направленный Секретариатом всем правительствам 30 сентября 1999 года, а в пункте 6 этой же резолюции рекомендовала Комиссии международного права продолжать свою работу по темам, включенным в ее нынешнюю программу, с учетом комментариев и замечаний правительств, представленных в письменном виде или высказанных устно в ходе прений в Генеральной Ассамблее.

---

⁵ См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 10 (A/53/10), пункты 192-201.

⁶ A/CN.4/500 и Add.1.

В. Рассмотрение темы на данной сессии

1. Документы, представленные Комиссии, и заседания, посвященные этой теме

12. На нынешней сессии Комиссии был представлен третий доклад Специального докладчика по этой теме⁷. Комиссии был также представлен доклад Генерального секретаря, содержащий текст ответов, полученных на вопросник, упомянутый выше в пунктах 10 и 11⁸.

13. В своем третьем докладе Специальный докладчик рассмотрел ряд предварительных вопросов, таких, как актуальность темы, взаимосвязь проектов статей по односторонним актам и Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, а также вопрос эстоппеля и односторонних актов. Затем он остановился на переработанных проектах статей 1-7, представленных в его втором докладе. Он предложил новый проект статьи 1, посвященный определению односторонних актов; предложил исключить прежний проект статьи 1 о сфере применения проектов статей и высказался против включения проекта статьи на основе статьи 3 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров; предложил новый проект статьи 2 о правоспособности государств формулировать односторонние акты, новый проект статьи 3 о лицах, правомочных совершать односторонние акты от имени государства, и новый проект статьи 4 о последующем подтверждении акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочий. Специальный докладчик предложил также исключить прежний проект статьи 6 о выражении согласия и в этой связи рассмотрел вопрос о молчаливом согласии и односторонних актах. Наконец, Специальный докладчик предложил новый проект статьи 5 о недействительности односторонних актов.

14. Комиссия рассмотрела третий доклад Специального докладчика на своих 2624, 2628-2630 и 2633-м заседаниях в период с 19 мая по 7 июня 2000 года.

---

⁷ Документ A/CN.4/505.

⁸ Документ A/CN.4/511.

2. Представление Специальным докладчиком своего третьего доклада

15. Специальный докладчик указал, что его третий доклад включает общее введение, в котором он рассмотрел возможность основывать данную тему на Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и сослался на связь, существующую между односторонним актом и эстоппелем, а также предложил новую редакцию статей 1-7, содержащихся в его втором докладе.

16. К сожалению, в период подготовки доклада он не получил ни одного ответа от правительств на вопросник, который был направлен им в октябре 1999 года относительно их практики в области односторонних актов, хотя впоследствии некоторые из них прислали свои ответы.

17. Специальный докладчик указал, что все признают важную роль, которую односторонние акты играют в международных отношениях, и необходимость разработки четких норм с целью регламентировать их функционирование. Тем не менее такая работа по кодификации и прогрессивному развитию затрудняется тем фактом, что по своей природе эти акты различны до такой степени, что некоторые правительства высказали сомнения в отношении возможности разработать нормы, применимые к ним в целом. Однако это мнение следует нюансировать, поскольку существует возможность выделить общие черты, присущие всем актам, и, следовательно, разработать нормы, действительные для всех актов.

18. В отношении возможности использовать Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 года в качестве основы он отметил, что в ходе предыдущих сессий члены Комиссии высказали по этому вопросу весьма различные и порой противоречивые мнения. Для того чтобы избежать возобновления бесконечных дискуссий, г-н Родригес Седеньо высказывается за применение промежуточного подхода: хотя простая транспозиция статей Венской конвенции применительно к односторонним актам, разумеется, невозможна, нельзя в то же время игнорировать эту Конвенцию и процесс ее разработки. Те части Венской конвенции, которые касаются, в частности, разработки, применения, юридических последствий, толкования и продолжительности акта, бесспорно служат весьма полезной моделью, хотя односторонним актам, разумеется, присущи свои особые черты.

19. Связь между односторонними актами и эстоппелем совершенно очевидна. Однако, как указывается в пункте 27 третьего доклада, "необходимо учитывать то, что акты и деяния, связанные с эстоппелем, не имеют своей явной целью создание юридического

обязательства для применяющего его государства. Кроме того, отличительным элементом эстоппеля является не поведение государства, а то доверие, которое оно вызывает у другого государства".

20. Учитывая замечания, высказанные как членами Комиссии в ходе предыдущей сессии, так и Шестым комитетом, г-н Родригес Седеньо с особым вниманием подошел к вопросу об изменении редакции статьи 1 (прежняя статья 2) об определении односторонних актов, которая весьма важна, поскольку она лежит в основе всех проектов статей. Речь идет не столько об определении смысла термина, сколько об определении категории актов, с тем чтобы иметь возможность очертить границы данной темы. В этой связи решающее значение имеет целый ряд элементов: намерение государства, совершающего акт, использование термина "акт", правовые последствия и вопрос о самостоятельности или, точнее, о "независимости" таких актов. В самом деле, все односторонние акты - идет ли речь о протесте, отказе, признании, обещании, объявлении войны и т.д. - имеют общие черты, а именно одностороннее волеизъявление и формулирование их государством по отношению к какому-либо адресату (каковыми могут являться одно государство, несколько государств, международное сообщество в целом или одна или несколько международных организаций) в целях создания определенных правовых последствий. Тем не менее на практике тот факт, что односторонние акты могут проявляться в различных формах, не облегчает задачу: так, например, протест, как и обещание, может формулироваться посредством письменного или устного заявления, а также посредством того, что можно было бы назвать "не вызывающим сомнения" поведением, как, например, разрыв или приостановление дипломатических отношений или отзыв посла. Возникает вопрос о том, являются ли такие акты действительно односторонними актами, входящими в сферу действия проектов статей.

21. Специальный докладчик подчеркнул, что все односторонние акты содержат, тем не менее, один основной элемент, каковым является намерение государства, формулирующего акт. Именно на такой основе можно определить, намерено ли или не намерено то или иное государство брать на себя юридические или политические обязательства на международном уровне. Если государство не намерено брать такое обязательство, то, строго говоря, речь не может идти об одностороннем акте.

22. Следует отметить, что в новом проекте статьи 1 он заменил термин "заявление", использовавшийся в предыдущем варианте, термином "акт". Разумеется, государства выражают отказ, протест, признание, обещание и т.д. как правило посредством письменного или устного заявления, и, на первый взгляд, казалось, что этот термин мог бы служить общим знаменателем, однако в конечном счете г-н Родригес Седеньо

согласился с мнением тех, кто считал такой подход слишком ограничительным, полагая, что термин "заявление" не может применяться к некоторым односторонним актам. Поэтому он остановился на термине "акт", являющемся более общим и имеющим то преимущество, что он априори не исключает никакой материальный акт, хотя остаются сомнения в отношении возможности считать односторонними актами некоторые акты или не вызывающее сомнения поведение, которые, в частности, рассматриваются в контексте обещания.

23. Другим вопросом, который уже был затронут, является вопрос о правовых последствиях. В прежней версии доклада правовые последствия ограничивались обязательствами, которые могло брать на себя государство посредством одностороннего акта, однако после обсуждения в Комиссии выяснилось, что словосочетание "создать правовые последствия" имеет более широкий смысл и что государство может не только брать обязательства, но также и подтверждать права. Согласно теории, если какое-либо государство не в состоянии наложить обязательства другим государствам посредством одностороннего акта, оно может вновь подтвердить, что некоторые обязательства должны выполняться этими государствами в соответствии с общим международным правом или договорным правом. Так обстоит дело, например, с односторонним актом, посредством которого государство определяет свою исключительную экономическую зону. Поступая таким образом, государство подтверждает права, которыми оно наделяется в соответствии с общим международным правом или договорным правом, и задействует некоторые обязательства, налагаемые на другие государства. Разумеется, такая позиция не противоречит утвердившимся в международном праве принципам, выражаемым максимами *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* и *res inter alios acta*, поскольку очевидно, что государство не может налагать обязательства на другие государства ни в какой форме без их согласия.

24. Термин "самостоятельный", использованный в прежнем проекте статьи 2 для характеристики односторонних актов, отсутствует в проекте статьи, предложенной в пункте 80 доклада, ввиду негативной позиции некоторых членов Комиссии, кратко изложенной в пункте 63. Тем не менее Специальный докладчик полагает, что, возможно, потребуется внести некоторые уточнения в комментарии для разграничения односторонних актов, обусловленных договором, и односторонних актов в строгом смысле слова. Специальный докладчик всегда считал возможным установить двойную зависимость, а именно зависимость по отношению к другому акту и зависимость по отношению к признанию одностороннего акта его адресатом. Это побудило его рассматривать в его первом докладе понятие двойной самостоятельности, которое он не включил в новый проект, поскольку замечания членов Комиссии были далеко не в пользу такого подхода. Однако даже отказавшись от термина "самостоятельный", следует

хорошо понимать, что односторонние акты, о которых идет речь, не зависят от других существовавших до этого правовых актов, ни от других правовых норм. Данный вопрос остается открытым, и Специальный докладчик с интересом хотел бы услышать мнение большинства членов Комиссии в этой связи.

25. Другим вопросом, рассмотренным в докладе, является вопрос о недвусмысленном характере односторонних актов. Как уже отмечалось, волеизъявление государства должно быть недвусмысленным и этот вопрос в большей степени связан с намерением государства, нежели с самим содержанием акта. Волеизъявление должно быть четким, даже если содержание акта необязательно должно быть таковым. "Недвусмысленный" означает "ясный", поскольку, как отметил представитель одного из государств в Шестом комитете, очевидно, что нельзя говорить об одностороннем правовом акте, если государство-автор ясно не намерено создать нормативные последствия.

26. Завершая представление статьи 1, Специальный докладчик указал, что термин "гласность", который следовало трактовать применительно к государству – адресату акта, каковое должно знать об этом акте, для того чтобы он мог создать последствия, было заменено выражением "о котором известно этому государству или этой международной организации". Важно, чтобы в тексте указывалось, что акт должен быть известен адресату, поскольку односторонние акты государства обязывают его в той мере, в которой оно намерено взять на себя правовые обязательства и в какой другие затрагиваемые государства осведомлены об этом обязательстве.

27. В рассматриваемом докладе Специальный докладчик предложил также не включать в проект статью, основанную на статье 3 Венской конвенции 1969 года, поскольку, в отличие от последней, проект статей касается односторонних актов в общем смысле слова и охватывает все категории односторонних актов. Венская конвенция касается конкретного типа договорного акта, а именно договора, который она определяет, не исключая других отличных от договора актов, к которым Конвенция также могла бы применяться. Следует также учитывать мнение членов Шестого комитета, которые не пожелали включить в проект статью по данному вопросу.

28. Новый проект статьи 2, касающийся правоспособности государства формулировать односторонние акты, в основном воспроизводит прежний текст с редакционными изменениями, предложенными членами Комиссии на предыдущей сессии.

29. Доклад содержит также проект статьи 3 о лицах, уполномоченных совершать односторонние акты от имени государства, который в значительной степени основан на статье 7 Венской конвенции 1969 года и воспроизводит текст 1999 года с некоторыми

изменениями. Некоторые государства указали, что положениям Венской конвенции 1969 года можно было бы строго следовать в случае правоспособности представителей или других лиц брать обязательства от имени государства. Специальный докладчик отметил, что пункт 1 данного проекта статьи должен оставаться без изменений, поскольку высказанные в ходе рассмотрения его второго доклада в 1999 году замечания очень похожи на те, которые были сделаны при принятии Комиссией проектов статей о праве международных договоров, а также на замечания, сделанные в ходе Венской конференции. Напротив, пункт 2 был изменен, и сфера его применения расширена, с тем чтобы позволить другим лицам, помимо тех, которые упомянуты в пункте 1, действовать от имени государства и принимать обязательства в международном плане. Этот текст учитывает специфическую особенность односторонних актов и отходит от соответствующего положения Венской конвенции 1969 года. Действительно, надлежит учитывать необходимость укрепления доверия и безопасности в международных отношениях, хотя можно подумать, а *contrario*, что положение такого характера могло бы иметь противоположные последствия. По его мнению, распространение правомочий на других лиц, которые могут рассматриваться в качестве действующих от имени государства, могло бы существенно укрепить доверие, что как раз и является целью работы Комиссии по данной теме. В этом пункте используется термин "лицо" вместо термина "представитель", а в тексте на испанском языке термин "правомочие" - вместо термина "разрешение", который не был принят в 1999 году по причинам, изложенным в пунктах 106 и 107 доклада.

30. Проект статьи 4 относительно последующего подтверждения акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия, который основывается на Венской конвенции 1969 года, воспроизводит текст проекта статьи 5, представленный на предыдущей сессии. Это положение охватывает две различные ситуации: либо лицо может действовать от имени государства, не имея на то разрешения, либо оно может действовать от имени государства, имея такое разрешение, однако его действия или не входят в круг его полномочий, или это лицо выходит за рамки таких полномочий. В этих случаях государство может подтвердить соответствующий акт. Согласно Венской конвенции 1969 года такое подтверждение со стороны государства может быть эксплицитным или имплицитным, однако было сочтено, что в данном конкретном случае с учетом специфики односторонних актов и того факта, что в отдельных случаях пояснение должно носить ограничительный характер, такое подтверждение должно быть эксплицитным, с тем чтобы предоставить больше гарантий государству, формулирующему односторонний акт.

31. Во втором докладе Специального докладчика содержится конкретное положение, а именно проект статьи 6, касающейся выражения согласия, которое сочли излишне близким договорному праву, т.е. слишком близким к соответствующему положению

Венской конвенции 1969 года и, следовательно, ни применимым, ни оправданным в контексте односторонних актов. Как указывается в пункте 125 доклада, "если считать, что статьи 3 и 4 могут должным образом охватывать выражение согласия, то необходимость в специальном положении о волеизъявлении или выражении согласия отпадает". Вопрос о волеизъявлении тесно связан с "реализацией" акта, т.е. с моментом, когда акт порождает правовые последствия, или, в случае односторонних актов, с моментом их формулирования. Напротив, в договорном праве "реализация" договора или момент, когда он порождает правовые последствия, связаны с его вступлением в силу.

32. Специальный докладчик отметил, что молчание, связанное с выражением согласия, исключается из сферы охвата исследования, поскольку, как признано большинством членов Комиссии, оно не представляет собой юридический акт, даже если нельзя говорить о том, что оно не порождает никаких правовых последствий. С другой стороны, значение, придаваемое молчанию при формировании волеизъявления и заключения соглашения, а также в связи с самими односторонними актами, хорошо известно. Тем не менее, является ли молчание юридическим актом или нет и независимо от того, что настоящее исследование касается актов, сформулированных с намерением породить правовые последствия, молчание, по мнению Специального докладчика, не может рассматриваться отдельно от другого акта. Сохраняя молчание, государство может признать какую-либо ситуацию и даже отказаться от права, однако оно вряд ли сможет дать обещание. Так или иначе в своей основе молчание представляет собой реакцию, которая обязательно должна быть связана с другим поведением, подходом или предшествующим юридическим актом.

33. Наконец, в докладе рассматривается вопрос о действительности одностороннего акта, который следует трактовать в свете положений Венской конвенции 1969 года и международного права в целом. Проект статьи, представленный Специальным докладчиком, в значительной степени основан на положениях Венской конвенции о праве международных договоров и близок к тексту, предложенному во втором докладе. В новый вариант Специальный докладчик включил важную клаузулу о недействительности, основываясь на комментарии, который один из членов Комиссии сделал в прошлом году в отношении недействительности акта, противоречащего решению, принятому Советом Безопасности по главе VII Устава относительно поддержания международного мира и безопасности. Хотя Совет может также принимать решения по главе VI об учреждении комиссий по расследованию, клаузула о недействительности касается исключительно решений Совета Безопасности, принятых по главе VII.

3. Резюме прений

34. Члены Комиссии в целом приветствовали третий доклад Специального докладчика, в котором была предпринята попытка внести порядок в обсуждение трудной, в силу своей сложности и многообразия, темы, а также примирить между собой многие несовпадающие мнения, высказанные как в Комиссии, так и в Шестом комитете.

35. В том что касается уместности обсуждения темы односторонних актов государств, то многие члены Комиссии подчеркнули важность односторонних актов в повседневной дипломатической практике и целесообразность кодификации относящихся к ним норм. Было заявлено, что с учетом интенсивности и важности такой практики необходимо в целях содействия стабильности в международных отношениях попытаться систематизировать и разъяснить общие правовые принципы и обычные нормы, регулирующие такие акты. Хотя вопрос и представляется сложным, это не означает, что это право нельзя кодифицировать. Речь идет о категории актов, которые представляются очень важными в международных отношениях и по меньшей мере такими же старыми, как и международные договоры, и являются, как и последние, источником современного международного права. В этой связи было высказано также мнение о том, что односторонний акт можно даже рассматривать как замену договора, когда складывающаяся политическая обстановка не дает двум государствам возможности заключить договор.

36. С указанием на уместность рассмотрения этой темы и целесообразность ее кодификации было высказано мнение о том, что важность изучения этого вопроса является самоочевидной. Односторонние акты государств в том виде, в каком они понимаются в проекте, существуют в международной практике и даже являются источником международного права, хотя в статье 38 Статута Международного Суда они и не упоминаются. В определенных обстоятельствах этот источник может, разумеется, порождать права и обязательства субъективного характера для государств, но в принципе не может создавать право или, иными словами, общеприменимые международные нормы. Государства не могут правотворчествовать в одностороннем порядке. Бесспорно, это один из вопросов, трудно поддающихся разрешению, в первую очередь потому, что конституции государств и внутреннее законодательство обычно не содержат или почти не содержат положений, касающихся односторонних актов государств, которые могли бы создавать для них обязательства на международном уровне, в отличие, например, от конвенций и обычных норм, которые, как правило, находят отражение во внутреннем законодательстве государств. Кроме того, международная практика отнюдь не изобилует примерами урегулирования вопросов, связанных с такими актами. Практически имеется мало случаев, когда государства своими актами предоставляли бы права другим

государствам, одновременно принимая на себя обязательства, соответствующие этим правам. Поэтому на Комиссию ложится задача кодифицировать, имея в наличии ограниченный набор инструментов или руководящих указаний, нормы малоизвестной области, ставя при этом перед собой двойную цель: защитить сами государства от их собственных действий, предложив им стройную систему четких норм относительно односторонних актов, которые могут порождать для них обязательства на международном уровне, и пойти навстречу интересам международного сообщества путем разработки стержневых норм, почерпнутых из этого нового источника права.

37. Было также высказано мнение о том, что едва ли имеется необходимость и дальше обсуждать вопрос об уместности рассмотрения этой темы, поскольку этот вопрос был решен, когда Комиссия и Генеральная Ассамблея постановили включить эту тему в повестку дня Комиссии.

38. С другой стороны, некоторые члены выразили опасения относительно пригодности этой темы для кодификации. Так, согласно одному из таких мнений, односторонние акты как раз и оказываются привлекательными для государств из-за большей степени свободы, которой они пользуются в применении их по сравнению с договорами. Решая вопрос о том, как "кодифицировать" такую относительную свободу действий, Комиссия сталкивается со следующей дилеммой: или она применяет "смирительную рубашку" наподобие Венской конвенции к широкому кругу односторонних актов, и продукт этот в таком случае оказывается полностью неприемлемым для государств, или же она ограничивает свою работу односторонними актами, на которые распространяются хотя бы некоторые положения признанного правового режима. Итог в этом случае будет иметь ограниченную ценность, поскольку он будет предписывать государствам нечто такое, что они и без того уже делают. В этой связи было также отмечено, что, если привлекательность односторонних актов для государств заключается именно в их относительной гибкости и неформальности, то вопрос о наличии необходимости и правовой основы кодификации норм, регулирующих односторонние акты, требует нового рассмотрения.

39. Некоторые члены Комиссии указали также на большое разнообразие встречающихся в практике государств односторонних актов как на фактор, затрудняющий общую работу по кодификации в их отношении, и высказали мнение о том, что более уместным, возможно, был бы поэтапный подход к работе над темой, предполагающей отдельное рассмотрение каждой категории актов.

40. По мнению других членов Комиссии, целесообразно было бы разделить проект статей на две части: в первой части устанавливались бы общие положения, применимые ко всем односторонним актам, а во второй – положения, применимые к конкретным категориям односторонних актов, которые в силу их несхожести не поддаются единообразному регулированию.

41. Многие члены подчеркивали важность наличия всестороннего обзора государственной практики во всех случаях, когда предпринимаются попытки кодифицировать ту или иную область права, и призывали Специального докладчика широко отражать такую практику в его докладах и увязывать с этой практикой предлагаемые им проекты статей. В этой связи была выражена надежда на то, что правительства в своих ответах на вопросник будут не только высказывать свои соображения, но и направлять материалы о собственной государственной практике.

42. Многие члены указали на взаимосвязь между проектами статей об односторонних актах и Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года и высказались в поддержку концепции "гибкого параллелизма", предложенной Специальным докладчиком в пунктах 15-22 его доклада. В этой связи было отмечено, что кодифицированные в Венской конвенции 1969 года нормы международного договорного права служат полезной отправной точкой для анализа норм, регулирующих односторонние акты государств. Международные договоры и односторонние акты – это два вида актов одного и того же рода – рода правовых актов. Поэтому нормы, отражающие параметры и характеристики, общие для всех категорий правовых актов, должны быть применимы как к двусторонним правовым актам – договорам, – так и к односторонним правовым актам. Однако существование совпадающих черт необязательно требует автоматической трансплантации норм Венской конвенции о праве международных договоров на процесс кодификации норм, регулирующих односторонние акты государств. Между теми и другими имеются существенные различия, и именно поэтому Специальный докладчик поступил благоразумно, рекомендовав "гибкий параллельный подход". Было также заявлено, что, если бы Венской конвенции не существовало, было бы просто невозможно кодифицировать односторонние акты государств, налагающих на них обязательства по международному праву. Верно, что Венская конвенция проложила путь для кодификации односторонних актов государств, а также актов международных организаций. Однако предлагаемые Конвенцией варианты не должны воспроизводиться дословно. Ее положениями следует пользоваться разумно и очень осторожно в качестве источника вдохновения, когда характерные черты обладающего обязательной силой одностороннего акта точно совпадают с такими же чертами договорного акта. Иными словами, в качестве

отправной точки необходимо использовать односторонние акты государств и в случае необходимости заимствовать варианты, предлагаемые Венской конвенцией о праве международных договоров, а не наоборот.

43. По мнению некоторых членов Комиссии, необходимо соблюдать осторожность в этом вопросе. Так, согласно одной точке зрения, важно не проводить слишком тесную аналогию с договорным правом, поскольку это может вызвать путаницу. Согласно другой точке зрения, было бы неосмотрительно слишком точно копировать Венскую конвенцию 1969 года, поскольку между правом договоров и правом односторонних актов имеются существенные различия.

44. С конкретной ссылкой на принятую в 1986 году Венскую конвенцию о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями и ее возможную применимость в процессе разработки проекта статей об односторонних актах было заявлено, что пока еще неясно, охватывает ли проект последствия односторонних актов государств для международных организаций или актов международных организаций, когда их поведение сопоставимо с поведением государств. Международные организации упоминаются только в проекте статьи 1, а далее только в качестве адресатов, но не авторов международных актов. Хотя Комиссия благоразумно решила исключить из проекта упоминание о резолюциях, принимаемых международными организациями, слово "резолюция" не охватывает всей совокупности актов, совершаемых такими организациями. Международные организации и прежде всего региональные интеграционные организации также могут принимать на себя односторонние обязательства по отношению к государствам и другим международным организациям. Поэтому вопросы, возникающие в связи с такими актами, должны решаться *mutatis mutandis* в свете положений Венской конвенции 1986 года.

45. Ряд членов Комиссии остановились на пунктах 23-27 доклада, в которых Специальный докладчик разбирает вопрос об эстоппеле и его связи с односторонними актами.

46. По мнению одного из них, важнейшим фактором в случае эстоппеля является поведение адресата, тогда как в случае одностороннего акта поведение адресата не добавляет ничего, разве что в виде исключений, к обязательной силе акта. В этой связи было отмечено также, что эстоппель как таковой не является односторонним или двусторонним правовым актом, а представляет собой ситуацию или последствия, которые возникли в определенных обстоятельствах в контексте как правовых, так и обычных актов и которые оказали конкретное воздействие на правовые отношения между двумя или

более субъектами международного права. Поэтому проблеме эстоппеля пока что можно исключить из общего рассмотрения односторонних актов и вернуться к ней позднее для определения ее возможного воздействия в конкретных ситуациях.

47. Ряд других членов Комиссии заняли несколько более активную позицию в отношении возможности рассмотрения Комиссией вопроса об эстоппеле в контексте односторонних актов государств. Так, по мнению одного из таких членов, основная идея, касающаяся применения эстоппеля в международном праве, заключается, по-видимому, в том, что государство или международная организация не должны проявлять непостоянства в своем поведении по отношению к своим партнерам и тем самым вводить их в заблуждение. Любой односторонний акт может, вероятно, служить основанием для применения эстоппеля. Применение эстоппеля может быть обусловлено односторонним актом, когда такой акт вынуждает адресата основываться на позиции, выраженной государством-инициатором этого акта. Эстоппель имеет отношение к рассматриваемой теме в том отношении, что он представляет собой одно из возможных последствий одностороннего акта. Поэтому вопрос об эстоппеле следует рассмотреть тогда, когда Специальный докладчик остановится на последствиях односторонних актов. В этом же отношении было выражено мнение, согласно которому эстоппель сам по себе не является правовым актом, а представляет собой скорее факт, приводящий к правовым последствиям, и, следовательно, его следует рассматривать в числе других последствий односторонних актов.

48. Также в отношении общих вопросов, связанных с обсуждением темы, один из членов Комиссии отметил, что основная проблема применявшегося до настоящего времени метода заключается в том, что независимые или самостоятельные акты не могут иметь правового эффекта при отсутствии реакции со стороны других государств, даже если эта реакция представляет собой всего лишь молчаливое согласие. Реакция может принимать форму согласия – ясно выраженного или подразумеваемого – или неприятия. Еще одна проблема заключается в возможности совмещения со случаем, когда поведение государств представляет собой неофициальное согласие. Можно взять, например, дело о Восточной Гренландии, в котором некоторые авторы усматривают классический пример одностороннего акта и который также может быть охарактеризован как случай неформального соглашения между Норвегией и Данией. Такие проблемы классификации в целом можно разрешать с помощью исключаящей оговорки. Согласно этой точке зрения, предмет эстоппеля может быть также связан с реакцией других государств на первоначальный односторонний акт. Например, в деле о храме Преа Вихеар, исходя из поведения Таиланда, был сделан вывод о том, что Таиланд согласился с границей, указанной на карте в приложении I. Хотя этот эпизод, несомненно, был связан с односторонним актом или поведением со стороны Таиланда, поведение этой страны было

сочтено противопоставляемым Камбодже. Другими словами, в данном случае существовали определенные рамки отношений между двумя государствами. По мнению этого члена Комиссии, важно выделить общий момент, касающийся определения данной темы и, в частности, характера вызывающего последствия поведения или сопутствующего фактора. Концепция заявлений теперь уже не рассматривается, однако само выражение "односторонние акты" также является, по-видимому, слишком узким. Все зависит от поведения как государства, вызвавшего последствия, так и других государств – иными словами, от отношения между одним государством и другими. Связанный с этим вопрос наличия намерения государства является еще одной причиной, подчеркивающей необходимость выработки определения сопутствующего фактора или "вызывающего последствия" поведения в достаточно широком смысле. Понятие "акт" является слишком ограничительным. Правовая ситуация не может рассматриваться только под углом зрения единственного "акта". Часто правовое значение будут иметь также контекст и antecedentes так называемого "одностороннего акта". В этом контексте упоминания о последствиях молчаливого согласия могут быть также связаны с неспособностью четко классифицировать проблему. Оценке подлежит молчаливое согласие в конкретном контексте или в связи с определенным вызывающим последствия актом, а не молчаливое согласие *per se* или в отрыве от других фактов. Согласно этой точки зрения, общее различие между рассматриваемыми актами и правом договоров состоит в том, что в случае договоров проводится достаточно четкое различие между вызывающим последствия поведением – договором – и правовым анализом последствий. В случае односторонних актов или одностороннего поведения часто бывает очень трудно отделить вызывающие последствия акт или поведение от процесса конструирования правовых последствий. Это наблюдение также может быть проиллюстрировано делом о храме Преа Вихеар.

49. В целом, говоря о статье 1, содержащей определение одностороннего акта государства, ряд членов Комиссии приветствовали предложенную Специальным докладчиком новую формулировку, которая представляет собой упрощенный вариант его предыдущих предложений. Они с удовлетворением отметили, что в нем нашли отражение многие высказанные в Комиссии и Шестом комитете предложения, и сочли его определенным шагом вперед по сравнению с вариантами, предлагавшимися на предшествующих сессиях, даже если это определение, быть может, можно было бы и дальше усовершенствовать.

50. Многие члены Комиссии приветствовали, в частности, исключение слова "заявление" из определения и замену его словом "акт", поскольку, по их мнению, слово "заявление" является одновременно двусмысленным и ограничительным.

51. Было отмечено, что основные различия между предшествующим и новым определением односторонних актов заключаются в опущении требования о том, чтобы такие акты были "самостоятельными", замене выражения "намерение приобрести международные правовые обязательства" словами "намерение вызвать правовые последствия" и замене требования о "формулировании публично" условием того, что об этом акте известно соответствующему государству или международной организации. Наконец, Специальный докладчик отказался и от понятия "многосторонних" односторонних актов, что представляет собой шаг в правильном направлении.

52. Некоторые члены Комиссии высказали ряд оговорок в отношении определения. По мнению одного из них, в определении не учитываются формальные аспекты односторонних актов. По мнению другого, общее и унифицированное определение всех односторонних актов не представляется правильным, если учесть все разнообразие односторонних актов, встречающихся в практике государств.

53. Ряд других членов Комиссии предпочли воздержаться от высказывания своего мнения по определению до тех пор, пока Комиссия не примет окончательного решения о том, какого рода акты должны стать предметом ее изучения. На этом особенно настаивали некоторые члены Комиссии, которые выступили против изъятия прежней статьи 1 проекта статей, касавшейся сферы применения проекта (см. пункт 69 ниже).

54. Некоторые члены Комиссии более подробно остановились на элементе предлагаемого определения, который состоит в волеизъявлении с намерением вызвать правовые последствия. Они подчеркнули основополагающую важность наличия намерения у формулирующего акт государства и сослались при этом на решение Международного Суда по делу о ядерных испытаниях. Формулирующее односторонний акт государство, как было заявлено, должно иметь намерение принять некое обязательство и избрать для себя определенную линию обязательного поведения.

55. Некоторые члены посчитали, что в словах "волеизъявление" и "намерение" имеется определенное совпадение смысла или тавтология, хотя другие члены не согласились с этим.

56. Ряд членов Комиссии поддержали пересмотренный вариант статьи, из которого теперь ясно, что целью намерения является вызов правовых последствий. Это отличает рассматриваемые Комиссией односторонние акты от простых политических актов. Вместе с тем некоторые члены Комиссии сочли, что в определении недостаточно полно определяется род правовых последствий, вызываемых данным актом. Так, по мнению одного из членов Комиссии, необходимо провести различие между односторонними

актами, вызывающими правовые последствия, сразу же после их формулирования и независимо от действий, предпринимаемых другими государствами, и односторонними актами, правовые последствия которых наступают только после их признания другими государствами. Не все акты, приводящие в действие нормы права, требуют признания другими государствами – в пределах норм права государства могут в одностороннем порядке осуществлять свои собственные права. Согласно этой точке зрения, Специальному докладчику удалось выявить основные проблемы, которые необходимо разрешить на начальной стадии работы, однако весь спектр односторонних актов не может быть охвачен общими нормами. Специальному докладчику следует выявить те односторонние акты, которые заслуживают изучения, и затем определить правовые характеристики каждого. Анализ доктрины и государственной практики показывает, что в большинстве случаев односторонними актами считаются обещания, протесты, признание и отказ. Согласно этой точке зрения, односторонние акты могут быть разбиты на несколько категорий. Во-первых, существуют "чистые" односторонние акты, т.е. такие акты, которые формулируются в осуществление норм международного права и не требуют реакции со стороны других государств. Затем идут акты, которыми государства принимают на себя обязательства. Их часто называют обещаниями, хотя это определение представляется не особенно удачным, поскольку оно относится к моральным, а не правовым императивам. В случае признания другими государствами такие акты порождают определенную форму соглашения и в этом качестве могут создавать для других государств не только права, но и обязательства. Наконец, существуют акты, соответствующие позиции государства в отношении конкретной ситуации или факта – признание, отказ, протест, – которые также являются чисто односторонними, в том смысле, что они не требуют признания другими государствами. Согласно еще одной точке зрения, слишком широкий характер выражения "вызывать правовые последствия" делает на практике невозможным формулирование общих норм для столь различающихся актов, как обещание, признание, протест или отказ. Более предпочтительным представляется поэтапный подход.

57. Ряд членов Комиссии, отметив расплывчатость различия между политическими и правовыми актами, подчеркнули часто возникающие трудности, связанные с определением истинного характера намерения государства, формулирующего односторонний акт. В этой связи было заявлено, что для того чтобы намерение стало ясным, часто требуется решение какого-либо международного суда. В этой связи было также заявлено, что государство представляет собой политическое образование, намерения которого в зависимости от контекста могут быть двусмысленными или недвусмысленными. При определении характера намерения всегда должен приниматься во внимание критерий фактически вызванных последствий. В оценке намерения, лежащего в основе акта, весьма важную роль играет контекстуальное изучение

политических соображений. По мнению этих членов Комиссии, приходится сожалеть, что Специальный докладчик недостаточно подчеркнул в предложенном определении идею контекста, на который опирался, например, Международный Суд в деле о делимитации морской границы и территориальных спорах между Катаром и Бахрейном. По мнению другого члена Комиссии, тот факт, что государство принимает решение осуществить акт, неизменно означает, что государство находит в этом для себя определенный интерес. Поэтому идея об интересе должна найти отражение в объективном определении одностороннего акта, но не для замены идеи о намерении, а в качестве наполнения содержанием и контекстом этой идеи, которую сформулировать труднее.

58. В том что касается выражения "в отношениях с одним или несколькими государствами либо одной или несколькими международными организациями", с которым в предлагаемом определении соотносятся слова "правовые последствия", то некоторые члены Комиссии задались вопросом, почему Специальный докладчик пожелал ограничиться только последствиями односторонних актов для других государств и международных организаций, если учесть, что в отношении народов, национально-освободительных движений или отдельных лиц также могут возникать правовые обязательства. Было высказано мнение, согласно которому определение международных договоров, содержащееся в статье 2 (1) а) Венской конвенции 1969 года, могло бы послужить ориентиром в этом отношении. По Конвенции, договор означает международное соглашение, регулируемое международным правом. Для этих членов Комиссии важно, чтобы к односторонним актам применялись те же самые термины, говорящие о том, что односторонний акт является в первую очередь актом, регулируемым международным правом, и, во-вторых, помещающим инициатора акта в область, непосредственно регулируемую международным, а не внутригосударственным правом. Эти члены Комиссии предложили заменить слова "в отношениях с одним или несколькими государствами либо одной или несколькими международными организациями" и включить слова "и регулируемое международным правом".

59. Что же касается слова "недвусмысленное", которое в предлагаемом определении соотнесено со словом "волеизъявление", то некоторые члены Комиссии считают его приемлемым, поскольку, по их мнению, трудно представить себе, каким образом односторонний акт может быть сформулирован так, что содержание его не будет ясно или в нем будут содержаться имплицитно выраженные условия или ограничения, или каким образом его можно легко и быстро дезавуировать.

60. Однако другие члены Комиссии решительно выступили против включения слова "недвусмысленное" и напомнили, что в определении, разработанном Рабочей группой на предыдущей сессии Комиссии, слово "недвусмысленное" включено не было. В этой связи

было заявлено, что следует понимать, что волеизъявление всегда должно быть ясным и понятным; если оно является двусмысленным и не может быть прояснено с помощью обычных средств толкования, то такое волеизъявление не создает правовой акт. Было указано также, что идеи ясности и определенности, которые Специальный докладчик пытается передать с помощью слова "недвусмысленное", есть вопрос субъективного суждения, традиционно оставляемый на усмотрение судьи, и он неуместен в определении односторонних актов. Было также заявлено – в знак несогласия с включением слова "недвусмысленное", – что дело о ядерных испытаниях показывает, что "отсутствие двусмысленности" может быть результатом не формально определяемого акта, а сочетания устных заявлений, избавляющих от необходимости иметь официальное письменное подтверждение.

61. Ряд членов Комиссии поддержали решение Специального докладчика не включать понятие "самостоятельности" в предлагаемое определение одностороннего акта. В этой связи было отмечено, что односторонний акт не может вызывать последствия, если по общему международному праву не существует какой-либо формы разрешения для наступления таких последствий. Такое разрешение может быть конкретным, например, когда государствам разрешено в одностороннем порядке устанавливать ширину своих территориальных вод в пределах 12 морских миль от береговой линии. Или же такое разрешение может носить более общий характер, например в тех случаях, когда государствам в одностороннем порядке разрешается принимать на себя обязательства, ограничивающие их суверенные правомочия. Однако односторонние акты никогда не являются самостоятельными. Акты, не имеющие основы в международном праве, являются недействительными. Это - вопрос не определения, а действительности или правомерности.

62. У других членов Комиссии исключение из определения понятия самостоятельности вызвало смешанную реакцию. Так, по мнению одних, необходимость исключения из определения актов, связанных с некоторыми правовыми режимами, таких, как акты, связанные с договорным правом, ведет к необходимости включения в определение понятия самостоятельности. По мнению других, хотя термин "самостоятельность", возможно, и не является полностью удовлетворительным, идея о независимости в качестве характерной черты односторонних актов вообще не заслуживает того, чтобы ее обсуждать.

63. По мнению третьих, опущение слова "самостоятельное", которое фигурировало в предшествующих определениях односторонних актов, создает определенные трудности. Это будет означать, что односторонние акты включают акты, совершаемые в связи с договорами. Однако с учетом настойчивости, с которой отдельные члены Комиссии

предлагают исключить это слово, можно было бы найти компромиссное решение, предусматривающее включение слов "в одностороннем порядке" после слова "с намерением". В данном контексте это толковалось бы как указывающее на самостоятельную природу акта.

64. Некоторые члены Комиссии остановились на словах "о котором известно этому государству или этой международной организации". Эта формулировка подверглась критике по разным причинам.

65. Некоторые члены выразили обеспокоенность в связи с тем, что Специальный докладчик в своем предлагаемом определении неоправданно отошел от определения, согласованного Рабочей группой во время предыдущей сессии Комиссии. Если в определении, принятом Рабочей группой, предусматривалось, что соответствующее государство или международная организация должны быть уведомлены или каким-либо иным образом поставлены в известность о совершаемом акте, то теперь требуется лишь, чтобы об этом акте было известно этому государству или этой международной организации. Такая формулировка представляется обманчивой, поскольку может сложиться впечатление, что об осуществляемом акте становится известно, например, в результате разведывательной операции или деятельности разведывательных служб. Однако государство, совершающее односторонний акт, должно принять определенные меры для того, чтобы об этом акте стало известно тому, в отношении кого совершается этот акт, или же международному сообществу. Если учесть тот факт, что в пункте 131 резюме обсуждения данного вопроса в Шестом комитете (A/CN.4/504) говорится, что принятая в Рабочей группе формулировка была поддержана делегациями, то у этих членов Комиссии возникает вопрос, почему Специальный докладчик изменил ее. Было также отмечено, что упоминание "государства или международной организации" не соответствует словам "одно или несколько государств, либо одна или несколько международных организаций", использовавшимся в предыдущем варианте, и это вызывает путаницу.

66. По мнению одного из членов Комиссии, очевидно, что для того, чтобы правовой акт вызывал правовые последствия, необходимо, чтобы адресат знал об этом совершаемом акте. Тем не менее идея об осведомленности вызывает вопросы, касающиеся того момента, с которого адресат узнает о совершенном акте, и того, как определить, обладает ли адресат таким знанием. Государство может узнать об акте только через некоторый период времени. В этом случае возникает вопрос, считается ли односторонний акт совершенным только с момента узнавания о нем или же с того времени, когда государство-адресат укажет, что ему стало известно о таком акте. Согласно этой точке

зрения, понятие знания выдвигает гораздо больше проблем, чем разрешает. Более важное значение, как с практической, так и теоретической точки зрения, имеет публичность формулирования акта, а не его получение.

67. По мнению некоторых других членов Комиссии, рассматриваемое положение не имеет отношения к определению, поскольку знание об акте является условием его действительности.

68. Некоторые члены Комиссии высказались в поддержку исключения, фигурировавшей в прежнем варианте проекта статьи 1 о сфере применения проекта статей. В этой связи было достигнуто согласие в том, что новая статья 1 с определением одностороннего акта содержит элементы, имеющие отношение к сфере применения проекта статей и, следовательно, нет необходимости в отдельной статье по вопросу о сфере применения. В связи со сферой применения проекта статей было также заявлено, что нет необходимости в положении, схожем со статьей 3 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, относительно юридической силы международных соглашений, не входящих в сферу применения Конвенции, и применяемых к ним положений международного права. В рассматриваемом проекте речь идет об односторонних актах, и этот термин достаточно широк для того, чтобы охватывать все односторонние изъявления воли, формулируемые государством.

69. С другой стороны, некоторые члены Комиссии высказались за то, чтобы в комплекс общих положений проекта было включено и положение, касающееся сферы применения. На данном этапе можно было бы ввести типологию различных категорий односторонних актов, не просто называемых, но и сопровождаемых их соответствующими определениями. В этой связи было заявлено также, что некоторые категории односторонних актов следует исключить из проекта, например те из них, которые касаются заключения и применения договоров (ратификация, оговорки и т.д.). Необходимо составить подробный перечень актов, которые должны быть исключены, и для этого требуется вновь включить проект статьи, затрагивающий сферу применения и сопоставимый со статьями 1 и 3 Венской конвенции 1969 года. Следует конкретно указать, что проект статей применяется только к односторонним актам государств и не применяется к актам международных организаций. Должны быть исключены и односторонние акты, относящиеся к заключению и исполнению договоров, и многосторонние акты. И наконец, если таково будет желание большинства членов Комиссии, быть может, следует четко указать, что проект не применяется к правовым последствиям, вызванным односторонними актами в отношении других образований, помимо государств и, возможно, международных организаций.

70. Некоторыми членами Комиссии было предложено также определенным образом дополнить новую статью 1, включив в нее указание на ту форму, в которой может быть выражен односторонний акт, наподобие того, как это сделано в пункте 1 а) статьи 2 обеих Венских конвенций о праве договоров. В статье следует четко указать, что односторонний акт государства может принимать форму заявления или любую иную приемлемую форму, устную или письменную. Благодаря этому будет полностью охвачено все разнообразие односторонних актов государств, зафиксированных в практике государств.

71. Новый проект статьи 2 о правоспособности государств формулировать односторонние акты, в целом, был поддержан. В этой связи было заявлено, что это положение, несомненно, образует часть общих положений проекта. Положение содержит напоминание о наличии существенной связи между государством и односторонним актом. Волеизъявление отражает правосубъектность государства; это означает, что независимо от размеров или политического веса государство остается государством и что все государства равны между собой. Понятие правосубъектности сходно понятию равенства государств. Поэтому способность государства формулировать односторонние акты существенным образом связана с природой государства.

72. Были высказаны некоторые редакционные предложения. Одно из них заключалось в том, чтобы добавить слова "в соответствии с международным правом" в конец статьи. Второе предложение заключалось в том, чтобы добавить слова "способные порождать права и обязательства на международном уровне". Третье предложение касалось замены глагола "формулировать" глаголом "издавать".

73. Выступавшие по статье 3, касающейся лиц, правомочных совершать односторонние акты от имени государства, в общем плане высказались в поддержку статьи в целом, а также того факта, что Специальный докладчик опустил пункт 3 бывшей статьи 4, в которой рассматривался этот же самый предмет и которая стала теперь статьей 3. В этой связи было заявлено, что включение формулировки, взятой из статьи 7 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, не представляется целесообразным в контексте настоящего проекта.

74. По мнению одного из выступавших, одним из пропущенных, но тем не менее нуждающихся в регулировании вопросов является вопрос, схожий с тем, который рассматривается в статье 46 Венской конвенции о праве международных договоров, а именно вопрос о положениях внутреннего права, касающихся компетенции заключать договоры. В статье 3 указываются лица, правомочные формулировать односторонние акты от имени государства, но ничего не говорится о том, должны ли, согласно

положениям конституции или законов, иметь отношение к формулированию односторонних актов другие органы государства, для того чтобы этот акт был действительным. Тот факт, что глава государства может ратифицировать договор, еще не означает, что отсутствуют конституционные нормы, требующие наличия предварительного одобрения со стороны парламента. Согласно этой точке зрения, сначала должно быть установлено, имеются ли конституционные нормы, применяемые к односторонним актам и, если нет, в какой мере конституционные нормы, применимые к международным договорам, могут применяться по аналогии к некоторым односторонним актам, которыми занимается Комиссия. Затем должно быть установлено, имеет ли нарушение конституционных норм последствия для действительности односторонних актов.

75. По мнению еще одного выступавшего, было бы более уместно отложить окончательное решение относительно статьи 3 до тех пор, пока не будет окончательно определено в статье 1, какие акты входят в сферу применения проекта статей.

76. Пункт 1 статьи 3, в целом, был поддержан. Согласно одной точки зрения, слова "считаются представителями" следует заменить словами "являются представителями". Однако, согласно другой точке зрения, наличие слова "считаются" образует опровержимую формулировку, которая необходима в этом пункте. Кроме того, предлагаемые изменения могут породить проблемы несовместимости с положениями конституций в некоторых странах.

77. Если, по мнению одного из выступавших, "министры по техническим вопросам", быть может, должны были бы быть включены в этот пункт как представители, обладающие правомочиями совершать односторонние акты, по мнению другого выступавшего, само понятие "министры по техническим вопросам" не представляется уместным.

78. Согласно одной из точек зрения, органы государственной власти, в особенности представительные органы в полном составе и законодательные органы, также должны быть правомочными формулировать односторонние акты. Это замечание конкретно касается парламентов и органов и советов, самопроизвольно возникающих после периодов внутренней нестабильности, консолидирующих власть в своих руках и имеющих возможность осуществлять суверенитет до создания постоянных институтов.

79. В этой связи прозвучало замечание на тот счет, что если парламент должен считаться относящимся к кругу лиц, правомочных формулировать односторонние акты от имени государства, то представляется сомнительным, чтобы парламенты были охвачены нынешней формулировкой пункта 2, и, быть может, их необходимо специально упомянуть в пункте 1.

80. В отношении высказанного одним из правительств письменного замечания, касающегося включения в пункт 1 также и глав дипломатических миссий, были выражены сомнения на тот счет, что эти лица могут совершать односторонние акты без конкретного разрешения.

81. Пункт 2 был, в целом, поддержан, хотя в отношении него и были высказаны некоторые редакционные замечания. Было предложено заменить слово "лицо" словами "другое лицо". Было также предложено изменить выражение "практика соответствующих государств" таким образом, чтобы отразить тот факт, что указанная практика является практикой государства, сформулировавшего данный односторонний акт. По мнению одного из членов Комиссии, слова "иные обстоятельства", могут потребовать дальнейшего разъяснения, поскольку это понятие является относительным во времени и в пространстве. Было предложено использовать выражение "обстоятельства, в которых был осуществлен акт". По мнению другого члена Комиссии, ссылка на "иные обстоятельства" представляется весьма полезной. Согласно этой точке зрения, гарантии, предлагаемые агентом государства или другим правомочным представителем в ходе международного судебного разбирательства, быть может, следовало конкретно упомянуть в этом отношении в комментарии к статье 3. В этой связи был приведен пример с делом о Восточном Тиморе 1977 года.

82. По мнению одного из членов Комиссии, пункт 2 в его настоящем виде является слишком широким. Никто не может расследовать практику и обстоятельства, в которых действует каждое государство, с тем чтобы решить вопрос, было ли лицо, сформулировавшее односторонний акт, уполномочено действовать от имени представляемого государства. В связи с этим у каждого младшего должностного лица будет иметься возможность формулировать односторонние акты, которые впоследствии скорее всего будут объявлены недействительными. Согласно этой точке зрения, Комиссии следует ограничить категорию лиц, которые могут формулировать односторонние акты в соответствии с пунктом 2, главами дипломатических миссий и другими министрами государства, которые полностью управомочены на это в конкретных целях только. Таким образом, может быть проведена граница между общими правомочиями, предоставляемыми трем категориям лиц, указанным в пункте 1, и более ограниченными правомочиями, предоставляемыми категориям лиц, указанным в пункте 2.

83. По мнению одного из членов Комиссии, статья 3 должна быть дополнена третьим пунктом, который представлял бы собой нынешнюю статью 4 о последующем подтверждении акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия. Согласно этой точке зрения, помимо этого, статья 3 могла бы быть также переформулирована в свете следующих трех принципов: во-первых, перенос категорий управомоченных лиц, названных в праве международных договоров (глава государства, премьер-министр, министр иностранных дел) в право односторонних актов является приемлемым; во-вторых, если существует намерение расширить перечень лиц, управомоченных принимать от имени государства обязательства в одностороннем порядке, это не должно быть связано с использованием некоторых характерных для права договоров методов, таких, как полные правомочия, и при этом должно учитываться положение формулирующего односторонний акт лица внутри государственного аппарата или, иными словами, то, каким образом осуществляется политическая власть в государстве и конкретной технической области, в которой действует совершающее односторонний акт лицо, при условии подтверждения его правомочий в обоих случаях; в-третьих, расширение перечня управомоченных лиц и включение в него глав дипломатических миссий или постоянных представительств государств при международных организациях может быть приемлемо на этих же условиях. Следовательно, в пункте 1 формулировку "считаются представителями государства в целях совершения односторонних актов от его имени" следует заменить словами "обладают компетенцией в целях совершения односторонних актов от имени государства". В пункте 2 французского текста формулировка "Une personne est considérée comme habilitée par l'État pour accomplir en son nom un acte unilatéral" является неуклюжей, и ее следует заменить словами "Une personne est présumée compétente pour accomplir au nom de l'État un acte unilatéral". Кроме того, согласно этой точке зрения, пункт 2 должен оканчиваться словами: "если практика соответствующих государств или иные обстоятельства делают невозможным установление его некомпетентности". Любое лицо, не являющееся главой государства, главой правительства или министром иностранных дел, должно считаться компетентным, если практика или иные обстоятельства не устанавливают его некомпетентность. Такая простая четкая формулировка сделала бы данный пункт более понятным. За этим пунктом последовал бы третий пункт, воспроизводящий содержание проекта статьи 4. Согласно этой точке зрения, название статьи 3 следует сформулировать следующим образом: "Компетенция совершать односторонние акты от имени государства...".

84. Статья 4 о последующем подтверждении акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия, в целом была поддержана. Некоторые члены Комиссии высказали тем не менее оговорки в отношении слова "прямо", относящегося к подтверждению. Эти члены Комиссии хотели бы знать, почему односторонний акт не может быть молчаливо

подтвержден, поскольку подтверждение одностороннего акта должно регулироваться теми же нормами, что и его формулирование. В этой связи было высказано мнение о том, что односторонний акт может быть подтвержден "per concludentiam", когда государство не ссылается на отсутствие уполномочия как основу недействительности акта, но выполняет принятое в связи с этим актом обязательство.

85. По мнению ряда членов Комиссии, положения пункта 4 могут быть включены в качестве третьего пункта в статью 3.

86. Было высказано замечание о том, что во французском варианте слова "effets juridiques" должны быть употреблены в единственном числе.

87. С другой стороны, одним из членов Комиссии было высказано мнение против статьи на том основании, что она не является достаточно ограничительной. Согласно этой точке зрения, если какое-либо лицо формулирует односторонний акт, не имея на то полномочия, его государство впоследствии не может утвердить его неправомерное действие. Согласно обязательственному праву, такое лицо действует незаконно, и его действие, следовательно, является ничтожным *ab initio*. Соответственно государство не может впоследствии признать действительным поведение, которое изначально было неправомерным.

88. Члены Комиссии высказались в поддержку исключения бывшей статьи 6, касающейся выражения согласия.

89. По вопросу о молчаливом согласии и односторонних актах, который был рассмотрен Специальным докладчиком в его третьем докладе в связи с вопросом о снятии предыдущего проекта статьи 6, были высказаны несовпадающие точки зрения.

90. По мнению ряда членов Комиссии, молчаливое согласие не может рассматриваться в качестве одностороннего акта в строгом смысле этого слова, поскольку в данном случае отсутствует намерение, являющееся одним из важных элементов определения одностороннего акта. Следовательно, вопрос о молчаливом согласии и односторонних актах не имеет касательства к данному проекту статей.

91. Другие члены Комиссии высказали иное мнение. Они подчеркнули, что, хотя некоторые виды молчаливого согласия действительно не представляют собой и не могут представлять одностороннего акта, другие виды его могут быть охарактеризованы как содержащие элемент намеренного "красноречивого молчания", выражающего согласие и образующего в силу этого подобный акт. В этой связи была сделана ссылка на дело о

храме Преа Вихеар. Кроме того, в этой связи было отмечено, что молчаливое согласие действительно может представлять собой реальный правовой акт в том виде, как это признается доктриной. Молчание, указывающее на согласие, может в некоторых ситуациях создать условия, для того чтобы первоначальный односторонний акт вызывал все свои правовые последствия, особенно в тех случаях, когда акт имел намерением создать обязательство со стороны одного или нескольких других государств. В некоторых случаях государство может выражать молчанием свое согласие, несмотря на то, что в договорном праве согласие должно быть эксплицитным. Было также отмечено, что в новейшие времена молчаливое согласие играет важную роль в разработке общего международного права, включая *jus cogens*. Во многих случаях Совет Безопасности принимал резолюции, в частности и о создании военных трибуналов, при осуществлении правомочий, которые не предусмотрены за ним по Уставу, и государства - члены Организации Объединенных Наций молчаливо признавали эти решения, которые таким образом приобретали силу. Кроме того, молчаливое согласие может быть равносильно признанию или допущению в области доказательственного права. Если в какой-либо конфликтной ситуации государство предлагает другому государству доказать, что оно прибегает к ложным утверждениям относительно акта другого государства и если последнее государство хранит молчание, это молчание может быть истолковано как согласие.

92. В целом, говоря о статье 5, некоторые члены Комиссии подчеркнули ее связь с необходимым положением, касающимся условий действительности одностороннего акта, которое пока еще не разработано. Было отмечено, что исследование условий, определяющих действительность односторонних актов, потребует изучения таких аспектов, как возможное материальное содержание акта, его законность с точки зрения международного права, отсутствие пороков в волеизъявлении, необходимость обеспечения гласности волеизъявления и создание последствий на международном уровне. Когда эти условия будут определены и подробно разработаны, будет проще сформулировать надлежащие нормы, регулирующие недействительность.

93. Была также отмечена связь с возможным положением об отзыве односторонних актов. Было указано, что при наличии возможности отзыва одностороннего акта государство будет заинтересовано в том, чтобы использовать именно этот метод, а не ссылаться на основание недействительности. Было отмечено, что основания недействительности должны главным образом касаться односторонних актов, которые не могут быть отозваны, или, другими словами, односторонних актов, связывающих государство, формулирующее акт, применительно к другому образованию.

94. Было также предложено провести различие между случаями, когда какой-либо акт может быть объявлен недействительным лишь тогда, когда государство ссылается на какое-либо основание недействительности (относительная недействительность), и случаями, когда недействительность представляет собой санкцию, налагаемую в соответствии с законом или непосредственно вытекает из международного права (абсолютная недействительность или недействительность *ex lege*). Государства могли бы ссылаться на ошибку, обман и подкуп, о которых идет речь в пунктах 1, 2 и 3 проекта статьи 5, в качестве оснований недействительности международных актов, сформулированных от их имени. Это замечание относится также к ситуации, которую призван охватить пункт 8 статьи 5, а именно ситуацию, когда односторонний акт вступает в коллизию с имеющей основополагающее значение нормой внутреннего права государства, формулирующего этот акт.

95. В этой связи было также предложено включить в проект положение о неправоиспособности государства формулировать односторонний акт. Любое одностороннее обязательство государства, являющееся несовместимым с объективным статусом этого государства, будет лишено юридической силы. Например, если какое-либо нейтральное государство формулирует односторонний акт, не согласующийся с его международными обязательствами в отношении нейтралитета, то такой акт будет недействительным.

96. Относительно статьи 5 в целом было также высказано мнение о том, что признание договора или одностороннего акта недействительным является наиболее серьезной доступной юридической санкцией. Существуют менее радикальные средства, с помощью которых правовая система может осудить какой-либо акт, например, посредством непротивопоставимости. Если Совет Безопасности объявляет эмбарго на поставки оружия, а некоторые государства заключают противоречащие этому решению соглашение или односторонний акт, такое соглашение или акт не будут объявлены недействительными, а попросту не будут выполняться. Если норма А имеет преимущественную силу перед нормой В, из этого автоматически не следует, что норма В должна быть объявлена недействительной. В соответствии с судебной практикой Европейского суда, когда какая-либо норма внутригосударственного права оказывается несовместимой с нормой права Сообщества, то эта норма внутригосударственного права не объявляется недействительной, а попросту не применяется в конкретных случаях.

97. В редакционном плане некоторые члены Комиссии предложили, чтобы каждое основание недействительности стало предметом отдельной статьи, сопровождаемой отдельным подробным комментарием.

98. В отношении вводной части статьи 5 было высказано предложение о внесении в нее изменений, с тем чтобы четко указать, что ссылающееся на недействительность одностороннего акта государство является государством, сформулировавшим этот акт.

99. В отношении пункта 1, касающегося ошибки в качестве основания недействительности, внимание было обращено на необходимость внесения в это положение таких редакционных изменений, чтобы оно не следовало договорной терминологии, характерной для Венской конвенции 1969 года. В этой связи было предложено не использовать термин "согласие" ввиду его договорных коннотаций.

100. Пункт 3, касающийся подкупа, был одобрен. Было отмечено, что с подкупом повсеместно ведется борьба с помощью правовых инструментов, таких, как Межамериканская конвенция против коррупции, подписанная в Каракасе. Вместе с тем был поставлен вопрос о целесообразности сведения возможности подкупа к "прямому или косвенному действию другого государства". Нельзя исключать возможности того, что лицо, формулирующее односторонний акт, может быть подкуплено другим лицом или компанией.

101. В отношении пункта 4, касающегося принуждения, было высказано замечание о том, что использование принуждения в отношении лица, формулирующего акт, является особым случаем, поскольку в таких обстоятельствах соответствующее лицо не выражает волю государства, которое оно предположительно должно представлять, а волю государства, использующего принуждение. Без волеизъявления юридический акт не существует, и если не существует акта, то нет и объекта, который следует объявить недействительным. В то время как другие пункты представляют собой случаи *negotium nullum*, данный пункт представляет собой случай *non negotium*.

102. В отношении пункта 5, касающегося применения силы или угрозы ее применения, и пункта 6, касающегося противоречия с императивной нормой международного права, было высказано замечание о том, что они охватывают случаи абсолютной недействительности, вытекающей непосредственно из права, и в этой связи деяния, охватываемые этими двумя пунктами, являются недействительными *ab initio*.

103. С особой ссылкой на пункт 6 было высказано предложение о том, что данный пункт должен принимать во внимание не только статью 53 Венской конвенции о праве международных договоров, но также и статью 64 этой Конвенции и что определение *jus cogens* вполне может быть включено в его проект.

104. Различные мнения были высказаны в отношении пункта 7, касающегося односторонних актов, противоречащих решению Совета Безопасности.

105. Некоторые члены Комиссии высказались за этот пункт, хотя, по их мнению, сфера его охвата может быть расширена. Так, по мнению одного из них, в этом пункте надлежит ясно показать, что односторонний акт должен считаться недействительным не только в случае его противоречия решению Совета Безопасности, но также и в том случае, если он противоречит Уставу Организации Объединенных Наций. Кроме того, согласно мнению этого члена Комиссии, акт должен считаться недействительным, если он противоречит постановлениям международных трибуналов. По мнению другого члена Комиссии, односторонний акт может считаться недействительным не только в том случае, если в момент его формулирования он противоречит какому-либо решению Совета Безопасности, но также и на более поздней стадии, если решение Совета Безопасности, противоречащее этому акту, было принято после формулирования данного акта. В соответствии с мнением другого члена Комиссии статья 103 Устава Организации Объединенных Наций о преимущественной силе обязательств по Уставу применима не только к коллидирующим договорным положениям, но также и к односторонним актам, противоречащим обязательствам по Уставу.

106. Некоторые члены Комиссии, в принципе поддерживая данный пункт, высказали мнение о том, что сфера его охвата должна быть ограничена односторонними актами, противоречащими решениям Совета Безопасности, принятым на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

107. С другой стороны, ряд членов Комиссии решительно высказались против включения данного пункта. По их мнению, нет оснований для проведения различия в этой области с Венской конвенцией о праве международных договоров, которая хранит осторожное молчание по данному вопросу. По их мнению, несмотря на справедливость того, что согласно статье 103 Устава Организации Объединенных Наций обязательство по Уставу Организации Объединенных Наций имеет преимущественную силу над другими договорными обязательствами, это не означает, что соответствующий договор будет объявлен недействительным, а лишь то, что конкретные положения, вступающие в коллизию с Уставом, не будут применяться. Эти члены Комиссии подчеркнули, что целью статьи 103 не является признание договорных обязательств недействительными. Выполнение таких обязательств должно приостанавливаться, когда, согласно решению Совета Безопасности, задействуется какое-либо обязательство по Уставу, однако при этом договор продолжает действовать и сохраняет свою обязательную силу после отзыва решения Совета Безопасности. По мнению этих членов, аналогичный подход должен применяться и к односторонним актам.

108. Большинство членов Комиссии высказали сомнение в отношении пункта 8, касающегося односторонних актов, вступающих в противоречие с нормой внутреннего права сформулировавшего его государства, имеющей основополагающее значение. Сомнения некоторых членов усиливает отсутствие соответствующего комментария, поясняющего этот пункт. Согласно мнению одного из членов Комиссии, данный пункт касается конституционного права государств, однако в демократическом обществе односторонние акты не обязательно должны ратифицироваться национальными парламентами. Односторонние акты, охватываемые докладом, представляют собой акты, формулируемые в отдельных случаях исполнительной властью и способные оказывать воздействие на законодательные акты или на координацию между различными органами государственной власти. По мнению некоторых членов Комиссии, данный пункт в его нынешней редакции может толковаться как отдающий приоритет положениям внутреннего права над обязательствами по международному праву, а это неприемлемо. Некоторые члены Комиссии задались вопросом о том, не может ли этот пункт сам по себе привести к такой ситуации, когда какое-либо государство будет использовать положение своего собственного внутреннего права, для того чтобы уклониться от выполнения международных обязательств, которые оно взяло на себя на основании действительного одностороннего акта.

109. Было предложено сформулировать данный пункт таким образом, чтобы подчеркнуть тот факт, что в момент формулирования акта была нарушена имеющая основополагающее значение норма внутреннего или конституционного права, касающаяся способности выполнять международные обязательства или формулировать юридические акты на международном уровне.

110. Подводя итоги состоявшейся дискуссии, Специальный докладчик заявил, что важность этой темы была четко подтверждена и что общее признание получил тот факт, что односторонние акты все чаще и чаще встречаются в практике международных отношений. Вместе с тем как в Комиссии, так и в ответах правительств на вопросник были выражены некоторые сомнения относительно того, могут ли быть разработаны общие нормы для всех односторонних актов. В известной мере он разделяет эти сомнения. Тем не менее определение и общие нормы формулирования односторонних актов, содержащиеся в этом докладе, применимы ко всем односторонним актам государств. В последующих докладах будут содержаться конкретные нормы для различных односторонних актов, которые он попытается разбить на категории в своем следующем докладе. Одну категорию, возможно, составят акты, на основании которых государства принимают на себя обязательства, а вторая категория будет включать акты, на основании которых государства приобретают, отклоняют или вновь подтверждают

какое-либо право. Такая категоризация актов была предложена одним из членов Комиссии. Как заявил другой член Комиссии, после категоризации актов можно будет рассмотреть вопрос о правовых последствиях и всех вопросах, касающихся применения, толкования и продолжительности актов, на основании которых государства принимают на себя обязательства.

111. Специальный докладчик предложил, чтобы проекты статей 1-4 были переданы Редакционному комитету для рассмотрения с учетом замечаний, высказанных по каждой статье, в то время как Рабочая группа продолжит свой углубленный анализ статьи 5, касающийся недействительности односторонних актов, включая предложение о том, что ей должны предшествовать положения об условиях признания действительности.

112. Что касается статьи 1, то некоторые члены Комиссии сочли, что был сделан определенный шаг вперед от ограничительного подхода, использованного в первом докладе, к нынешней более широкой формулировке. Такой переход был необходим, но из-за него реакция государств на статью может отличаться от тех позиций, на которых они стояли в момент подготовки ответов на вопросник. Было высказано мнение о том, что Специальный докладчик идет по пути, слишком близко повторяющему концептуальную линию Комиссии. Естественно, у него с самого начала имелись и свои собственные идеи, но пытаться навязывать их было бы нереалистично. Главное заключалось в том, чтобы создать условия для достижения консенсуса, независимо, от того, что он сам думает по тому или иному предмету. Например, из уважения к мнению большинства он исключил некоторые термины из определения, несмотря на то, что, по его мнению, они заслушивали того, чтобы быть оставленным в формулировке.

113. Некоторые члены Комиссии указали на возможную тавтологию между выражениями "волеизъявление" и "намерение" в статье 1, однако между первым из них, который обозначает фактическое осуществление акта, и вторым, обозначающим смысл, придаваемый государством осуществлению этого акта, просматривается четкое различие. Эти два термина являются взаимодополняющими и должны быть сохранены.

114. "Правовые последствия" представляют собой более широкое понятие, нежели чем "обязательства", которые фигурировали в его первом докладе, в котором не были охвачены некоторые односторонние акты. Некоторые члены Комиссии заявили, однако, что это понятие представляется слишком широким и что следует употребить слова "права и обязательства". Этот вопрос можно обсудить в Редакционном комитете.

115. В проекте статей речь идет о формулировании односторонних актов государствами, но это не означает, что их невозможно обращать не только на другие государства или международное сообщество в целом, но и на международные организации. В связи с этим задавался вопрос, почему их нельзя обращать и на другие образования. Это – интересный вопрос, хотя у него вызывает определенную обеспокоенность наблюдаемая не только в Комиссии, но и во всей системе Организации Объединенных Наций тенденция включать в число участников международных отношений другие субъекты, помимо государств. В действительности режим ответственности применяется исключительно к государствам, и было бы, быть может, неправильно, чтобы другие ценности, помимо государств и международных организаций, пользовались определенными правами на основе обязательств, принимаемых государством. Этот вопрос мог бы быть проанализирован Рабочей группой в ходе второй части сессии.

116. Хотя большинство членов Комиссии высказались за то, чтобы слово "недвусмысленное" было опущено, он по-прежнему считает, что слово это нужное и его следует сохранить в тексте, пусть даже только в комментарии, для разъяснения степени ясности, с которой может быть выражено волеизъявление.

117. Выражение "о котором известно", использованное в порядке предпочтения ранее употребленному понятию "гласности", является более широким и более уместным, однако против его использования были высказаны возражения на том основании, что трудно определить, в какой момент что-либо становится известным государству. Было предложено, чтобы заключительная часть статьи, содержащая эти слова, была заменена формулировкой, почерпнутой из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, указывающей на то, что акт совершается в соответствии с международным правом.

118. Ряд членов Комиссии высказались о возможности возвращения в проект статей статьи о сфере применения проекта, как он это предлагал в своем предшествующем докладе, и, если большинство членов Комиссии с этим согласны, такая статья может быть разработана Редакционным комитетом в полном соответствии со статьей 1, касающейся определения одностороннего акта. Было также предложено вновь включить использованную в статье 3 предыдущего проекта исключительную оговорку, цель которой состоит в том, чтобы не допустить исключения других односторонних актов. Однако, по мнению Специального докладчика, настоящее определение одностороннего акта является достаточно широким.

119. В отношении статьи 2 критических замечаний по существу дела высказано не было.

120. В пункт 2 статьи 3 включена новелла, представляющая собой прогрессивное развитие международного права в том отношении, что в ней говорится о других лицах, помимо глав государств, глав правительств и министров иностранных дел, которые могут быть правомочны совершать односторонние акты от имени государства. Это новелла, судя по всему, получила всеобщее признание, хотя Редакционный комитет мог бы проанализировать поднимавшиеся вопросы в отношении выражений "практика соответствующих государств" и "иные обстоятельства".

121. Использование слова "прямо" в статье 4 делает эту статью более ограничительной, нежели ее эквивалент Венской конвенции 1969 года. В связи с этим было высказано несколько замечаний, причем большинство членов Комиссии выступили в поддержку ориентации на этот международно-правовой акт. Этот момент также мог бы быть рассмотрен в Рабочей группе.

122. Статья 5, касающаяся недействительности односторонних актов, может быть рассмотрена подробно Рабочей группой. Некоторые члены Комиссии выступили с очень интересным предложением о том, что пункт 7 этой статьи должен касаться не просто решений Совета Безопасности, но решений, принятых этим органом в соответствии с главой VII Устава. Специальный докладчик намеренно уклонился от включения этого конкретного указания, поскольку при его отсутствии этот пункт охватывает также решения Совета Безопасности, на основании которых он учреждает комитеты по обследованию по главе VI. Этот момент также можно обсудить. Один из членов Комиссии высказался о необходимости указать, кто может поднимать вопрос о недействительности актов и, следовательно, проводить различия между различными основаниями недействительности.

123. Ряд замечаний был высказан относительно эстоппеля и молчаливого согласия. Хотя, быть может, и не имеется особых причин для того, чтобы рассматривать эти вопросы в материалах по формулированию односторонних актов, он считает, что их необходимо рассматривать в контексте поведения государства и поэтому включить в часть II, касающуюся правовых последствий актов.

124. Отвечая на вопрос о том, можно ли выявить какое-либо сходство во взглядах на основе полученных от правительств ответов на вопросник (документ A/CN.4/511), Специальный докладчик заявил, что в ряде случаев в ответах содержались критические высказывания по вопросу о разработке этой темы. Это объясняется особенностями текущей стадии рассмотрения; по мере того как тема будет разрабатываться все глубже и глубже, государствам, возможно, будет легче согласиться с тем, как эта тема рассматривается. В ряде ответов государства, опираясь на свою собственную практику,

признали существование подобных актов. В других случаях ответы носили более ярко выраженный научно-теоретический характер и затрагивали различные категории односторонних актов. В любом случае ответы были весьма полезными, и предложения о подготовке добавления к комментариям будут учтены в работе над последующими докладами.

125. По результатам дискуссии Комиссия постановила продолжить деятельность Рабочей группы по односторонним актам государств. Она также приняла решение направить проекты статей 1-4 Редакционному комитету и проект статьи 5 Рабочей группе для дальнейшего рассмотрения и изучения.
